

ГЛАВА 1

Самолет начал плавно снижаться и в 13.20 коснулся бетонной полосы, шедшей параллельно Потомаку. Случилось это в дождливый понедельник в начале марта.

Я не знал, суждено мне задержаться в Вашингтоне или лететь дальше в Детройт, а то и в Африку, а потому сдал свой багаж в камеру хранения, вышел из здания аэропорта и поймал такси. В течение двадцати минут мы пробирались через двухмиллионную толпу государственных служащих в форме и гражданских костюмах, которые двигались на машинах и пешком, и еще двадцать минут после входа в здание ушло на предъявление документов, ожидание, пока мне дадут разрешение, проведут по коридорам и наконец впустят в огромный кабинет с большим письменным столом посередине.

Впервые в жизни я увидел главу военной разведки Соединенных Штатов. Облаченный в форму, он имел два подбородка и пронзительные глаза, которые не упускали ни малейшей детали. Я хотел протянуть ему руку, но он коротко велел мне сесть, взглянул на бумагу, лежащую на самом верху пачки документов, и сухим, ломким голосом заявил, что меня зовут Арчи Гудвин.

Я без особого энтузиазма кивнул. Насколько мне было известно, это была военная тайна.

— Что, черт побери, случилось с Ниро Вулфом? — кисло спросил он.

— Понятия не имею, сэр. А что, разве он болен?

— Вы работали на него десять лет. В качестве главного помощника в его сыскной деятельности, не так ли?

— Совершенно верно, сэр. Но я ни разу не слышал, чтобы с ним что-то случилось. Однако если вам требуется квалифицированное предположение...

— Вы, по-моему, неплохо расхлебали ту кашу в Джорджии, майор Гудвин.

— Премного обязан вам, сэр. Что касается Ниро Вулфа...

— Об этом я и хочу с вами поговорить. — Он

отодвинул от себя бумаги. — Я вызвал вас, чтобы спросить: он что, ненормальный?

— Можно сказать и так. — Я старался выглядеть рассудительным, поэтому, положив ногу на ногу, мигом вспомнил, где я нахожусь, и тут же выпрямился. — Он гений, признаю, но вам известно, по какой причине австралийская собака остается дикой. Помощник — не то слово. Я был одновременно акселератором и тормозом в его деятельности. Могу добавить, что жалование я получал примерно раза в три больше, чем сейчас. Разумеется, если бы мне дали звание полковника...

— Как давно вы стали майором?

— Три дня назад.

Он коротко кивнул, давая мне понять, что оценил шутку, и продолжал:

— Нам нужен Ниро Вулф. Не обязательно в военной форме, но нужен. Не знаю, заслуживает ли он своей репутации...

— Заслуживает, — заявил я. — Не хочется это признавать, но более чем заслуживает.

— Очень хорошо. Вы меня убедили. Нам он нужен, и мы попытались его заполучить. Его навестили капитан Кросс и полковник Райдер, но он отказался даже позвонить генералу Файфу. У меня здесь их рапорт...

— Они неправильно с ним обращались, — усмехнулся я. — Он не позвонил бы даже китайскому императору, если бы таковой сейчас существовал. Сомневаюсь, что он хоть раз вышел на улицу с тех пор, как я два месяца назад уехал из Нью-Йорка. Единственное, что у него есть, — это его мозги, и единственный способ, каким его можно заставить ими шевелить, — это доставить ему факты, проблемы и людей на блюдечке.

Генерал раздраженно покачал головой.

— Мы пытались это сделать. Полковник Райдер отправился к нему, чтобы заставить его принять участие в работе над очень важным делом, однако он категорически отказался. Судя по нашим сведениям, он не фашист и не из тех, кто считает, будто мы напрасно ввязались в войну. Так в чем же дело?

— Ни в чем, сэр. Ничего серьезного. Наверное, он пребывал в плохом настроении, что с ним часто бывает, а теперь, по-видимому, к этому присоединилось еще и чувство одиночества, потому что рядом с ним нет меня. Главное — это уметь с ним обращаться.

— А вам известно как?

— Да, сэр.

— Тогда поезжайте и сделайте это. Мы гото-

вы платить ему за каждые рабочие сутки. Причем он нужен нам немедленно — по тому вопросу, с которым к нему обратился полковник Райдер. Никто так и не сумел даже подступиться к этой проблеме. Сколько времени вам потребуется?

— Не могу сказать. В зависимости от обстоятельств. — Я встал — пятки вместе, носки врозь. — Час, день, неделя, две недели. Мне придется жить у него в доме, как раньше. Проше всего вести с ним беседу поздно вечером.

— Отлично. По прибытии доложите полковнику Райдеру по телефону, докладывайте ему же о ходе дела и сообщите, когда он сможет повидать мистера Вулфа. — Он встал и протянул мне руку, которую я не замедлил пожать. — Не теряйте времени.

В другой комнате я узнал, что мне уже заказан билет на нью-йоркский рейс в три часа дня, а такси доставило меня в аэропорт как раз вовремя, чтобы я успел взвесить свой багаж и пройти на посадку.

ГЛАВА 2

Все места, кроме одного у прохода в носовой части самолета, были заняты. Я поздоровался с человеком в очках и с утомленным лицом, кото-

рый сидел возле иллюминатора, сунул свои плащ и шляпу на багажную полку и уселся. Через минуту самолет тронулся по взлетной полосе, набрал скорость и оторвался от земли. Не успел я отстегнуть привязной ремень, как изящные дамские пальчики ухватились за ручку моего кресла, и передо мной возникла фигура женщины с густыми светлыми волосами. Женщина обратилась к моему соседу:

— Не поменяетесь ли вы со мной местами?

Чтобы не привлекать к себе внимания пассажиров, мне не оставалось ничего другого, как подняться, позволив мужчине встать, а женщине сесть на его место. Затем я снова опустил в свое кресло, как раз перед тем, как самолет качнуло.

— Здравствуй, милый, — погладив меня по руке, сказала женщина. — Не целуй меня здесь. Господи боже, до чего же тебе идет форма!

— У меня и не было никакого намерения целовать тебя где бы то ни было, — холодно отозвался я.

Ее голубые глаза были полузакрыты, а уголок рта чуть приподнят. Если рассуждать объективно, ничего плохого я в ней не видел, но я был не в настроении смотреть на Лили Роуэн объективно. Я уже рассказывал, как впервые

встретился с ней за изгородью одной из ферм под Нью-Йорком¹. История началась с того, что я попался на глаза быку на пастбище, и, когда я добрался до изгороди, мой внешний вид и чувство собственного достоинства оставляли желать лучшего. Тем не менее мне удалось перепрыгнуть через изгородь и, прокатившись яردов десять по земле, кое-как встать, когда какая-то девица в желтой рубашке и брючках захлопала в ладоши и насмешливо протянула:

— Восхитительно, Эскамильо! Давай-ка еще раз!

Это была Лили. Мы познакомились, пятое-десятое, пока наконец...

— Эскамильо, милый! — стиснув мою руку, повторила она.

Я посмотрел ей в глаза:

— Послушай! Я не встаю и не обращаюсь с просьбой к кому-нибудь из пассажиров поместиться со мной местами только по той причине, что я в форме, а служба в армии требует держаться с достоинством в общественных местах. Мне хорошо известно, что ты способна вести себя как невменяемая. Я же намерен читать газету.

¹ Роман Р. Стаута «Где Цезарь кровью истекал». (Прим. ред.)

Я демонстративно развернул «Таймс». Лили засмеялась горловым смехом, который когда-то казался мне очень привлекательным, и расположилась в кресле так, что ее плечо касалось моего.

— Иногда, — сказала она, — мне хочется, чтобы в тот день три года назад бык забодал тебя. Я не думала, увидев тебя прыгающим через изгородь, что мы докатимся до этого. Ты не отвечал на мои письма и телеграммы. Поэтому я поехала в Вашингтон, чтобы разузнать, где ты, — и вот я здесь. Я, Лили Роуэн! Эскамильо, посмотри на меня!

— Я занят газетой.

— Господи боже, до чего же ты хорош в форме! Очень мужественный. Неужто ты не потрясен тем, что мне стало известно, каким рейсом ты летишь, и удалось сесть в самолет раньше тебя? Разве я не умница?

Я промолчал.

— Ответь мне, — потребовала она. В ее голосе послышалось раздражение.

Она была способна на все.

— Да, — согласился я, — ты и вправду сообразительная.

— Спасибо. Я сообразила также, что ты разозлился на меня из-за того, что я утверждала,

будто сообщение о том, что Ирландия отказывается предоставить какую-то военно-морскую или военно-воздушную базу американцам, — фальшивка. Мой отец приехал сюда из Ирландии и заработал восемь миллионов долларов на прокладке канализационных труб. Я ирландка, что тебе известно, значит, ты разозлился на меня вовсе не из-за этого. По-моему, тебе показалось, что ты от меня устал. Верно?

Я не отрывал глаз от газеты.

— Я сейчас служу в армии, ласточка.

— Ну и что? Я послала тебе сорок телеграмм, предлагая приехать и быть возле тебя, ухаживать за тобой на тот случай, если ты заболеешь или еще что-нибудь. Я трижды посетила Ниро Вулфа, чтобы узнать, нет ли у него каких-либо сведений о тебе. Между прочим, что с ним, черт побери? Он не пожелал со мной встретиться. А ведь я ему нравлюсь.

— Ты ему не нравишься. Он не любит женщин.

— Ему нравится, что я интересуюсь орхидеями. И, кроме того, я написала ему, что у меня для него есть работа, за которую я сама с ним расплачусь. Он не пожелал даже поговорить со мной по телефону.

— Какая работа? — Я посмотрел на нее.

Уголок ее рта снова приподнялся.

— Хочешь знать?

— Иди к черту.

— Скажи, Эскамильо, я для тебя что-нибудь значу?

— Нет.

— Глупости! Мне нравится, как ты подергиваешь носом, когда чуешь работу. Этот случай касается моей приятельницы, или, скорее, просто доброй знакомой. Ее зовут Энн Эймори. Я беспокоюсь за нее.

— Я вижу, ты беспокоишься о всех девушках на свете, за исключением той, которую зовут Лили Роуэн.

Лили погладила меня по руке:

— Вот это больше похоже на тебя. Так или иначе, мне нужен был предлог, чтобы повидать Ниро Вулфа, потому что Энн попала в беду. Все, что ей на самом деле требовалось, это совет. Она узнала об одном человеке нечто такое, что поставило ее в скверное положение.

— Что она узнала и о ком?

— Понятия не имею. Мне она не сказала. Ее отец раньше работал у моего отца, и я помогала ей, когда он умер. Она работает в национальной лиге голубеводов и получает тридцать

долларов в неделю. — Лили задрожала. — Господи боже, подумать только — тридцать долларов в неделю! Конечно, это ненамного хуже, чем тридцать долларов в день. На такие деньги практически нельзя жить. Она попросила порекомендовать ей адвоката. Она явно была чем-то расстроена. Сказала только, что ей довелось узнать нечто страшное о ком-то, но из нескольких слов, ею оброненных, я поняла, что речь идет о ее женихе. И решила, что ей лучше обратиться к Ниро Вулфу, чем к какому-то адвокату.

— И он не пожелал тебя видеть?

— Нет.

— Энн не упоминала ничьих имен?

— Нет.

— Где она живет?

— В южной части города, недалеко от вас. Барнум-стрит, 316.

— А кто ее жених?

— Не знаю. — Лили погладила меня по руке. — Послушай, ты, мужественный герой, где мы сегодня поужинаем? У меня?

Я покачал головой:

— Я на службе. Твое отношение к базам в Ирландии — чистой воды провокация. Насколько мне известно, ты шпионишь в ее

пользу. Я считаю тебя неотразимой, но мне не следует забывать о собственной чести. Я предупредил тебя в тот день в палатке, где расположилась методистская церковь, что мой духовный мир...

Она перебила меня, и так продолжалось еще с час, пока самолет не сел в аэропорту Ла Гардиа. Отделаться от нее там я не сумел. Мы взяли такси и поехали в Манхэттен, но возле «Риц», где у нее была собственная цитадель и перед которым, как я понимал, она не позволит себе устраивать сцену, я со своим багажом пересел в другое такси и попросил водителя отвезти меня в дом Вулфа на Тридцать пятой улице.

Несмотря на стычку с Лили, пока мы ехали в южном направлении, а затем повернули на запад, настроение у меня поднималось. Не знаю почему, но мне казалось, что я отсутствовал гораздо больше двух месяцев. Я узнавал магазины и здания с таким чувством, будто был их владельцем, не сделавшим ни единой попытки посмотреть на них раньше. Я не послал телеграммы о своем приезде, решив доставить себе удовольствие, застав шефа врасплох, и, естественно, надеялся увидеть Теодора среди орхидей в оранжерее, Фрица на кухне колдую-

щим над кастрюлями, а самого Ниро Вулфа за письменным столом с хмурым видом над атласом или ворчащим над книгой. Нет, в кабинете его нет. Он спускался из оранжереи ровно в шесть, значит, сейчас он будет наверху вместе с Теодором. Я поздравляюсь с Фрицем в кухне, проскользну в свою комнату и буду ждать, пока не услышу, как Вулф на лифте спускается к себе в кабинет.

ГЛАВА 3

Ни разу в жизни я не был так потрясен. Ни разу.

Я вошел, открыв дверь собственным ключом, который так и продолжал висеть у меня на кольце с прочими ключами, бросил свои чемоданы в холле, вбежал в кабинет и не поверил собственным глазам. На столе у Вулфа высились пачки нераскрытой корреспонденции. Я подошел поближе и увидел, что со стола не стирали пыль, наверное, лет десять, как, впрочем, и с моего. Я повернулся к двери и почувствовал ком в горле. Либо Вулф, либо Фриц умерли, оставалось только выяснить, кто именно. Я бросился на кухню, и то, что я там увидел, убедило меня, что умерли они оба. Ряды сковородок и каст-

рюль оказались запыленными, как и банки со специями.

Снова к горлу подступил комок. Я открыл кухонный шкаф и убедился, что, кроме вазы с апельсинами и шести картонок с черносливом, там ничего нет. Я открыл холодильник, и это зрелище меня добило. Четыре головки салата, четыре помидора и миска с яблочным соусом — вот и все. Я бросился к лестнице.

Один пролет наверх — в комнате Вулфа и во второй рядом никого не было, но мебель стояла на своих местах. То же самое обнаружилось в двух комнатах на следующем этаже, одна из которых принадлежала мне. Я кинулся выше, в оранжерею. В четырех ее отсеках под стеклом стояли орхидеи, сотни орхидей в цвету. В том отсеке, где растения были еще в горшках, я наконец обнаружил признаки жизни. На табуретке у стола сидел Теодор Хорстман, делая записи в дневнике цветоводства, который прежде вел я.

— Где Вулф? — спросил я. — Где Фриц? Что у вас тут, черт побери, происходит?

Теодор дописал слово, промокнул невысохшие чернила, повернулся ко мне и проскрипел:

— Здравствуй, Арчи. Они отравились де-

лать упражнения. Тренироваться, как они это называют. Тренироваться на свежем воздухе.

— С ними все в порядке? Они живы?

— Конечно, живы. Тренируются.

— Что тренируют?

— Друг друга. Или, точнее, тренируют себя. Они собираются на службу в армию, сражаться. Я же остаюсь приглядывать за домом. Мистер Вулф хотел избавиться от цветов, но я уговорил его оставить их под моим надзором. Мистера Вулфа цветы сейчас не интересуют; он поднимается сюда, только чтобы как следует пропотеть. Он должен потеть изо всех сил, чтобы сбросить вес, а кроме того, закаляться, поэтому они с Фрицем направляются к реке и занимаются там быстрой ходьбой. На следующей неделе они намерены перейти на бег. Мистер Вулф сейчас на диете и перестал пить пиво. На прошлой неделе он был простужен, но теперь все в порядке. Он не покупает хлеба, сливок, масла, сахара и множества других продуктов, и мне приходится самому покупать их себе.

— Где они тренируются?

— У реки. Мистер Вулф раздобыл разрешение от городских властей тренироваться на пирсе, потому что на улице над ним потешались

мальчишки. Мистер Вулф очень настойчив в своих намерениях. Все остальное время он проводит здесь, потея. Он мало разговаривает, но я слышал, как он объяснял Фрицу, что если каждый из двух миллионов американцев убьет десяток немцев...

Мне надоел скрипучий голос Теодора. Выйдя из оранжереи, я снова спустился в кабинет, взял тряпку и стер пыль с собственных стола и стула, сел, поставив на место фигурки собак, которые украшают мой стол, и сердито посмотрел на пачки корреспонденции на столе у Вулфа.

Господи боже, подумал я, ну и возвращение домой! Неужто я не мог предугадать, что произойдет нечто подобное, если я предоставлю его самому себе? Это не только плохо, это может быть безнадежно. Олух! Здоровенный толстяк! А я-то сказал генералу, что знаю, как с ним обращаться! Что мне теперь делать?

В 17.50 я услышал, как отворилась и затворилась парадная дверь, раздались шаги в холле, и на пороге появился Ниро Вулф, а за его спиной и Фриц.

— Что ты здесь делаешь? — пророкотал Вулф.

Всю жизнь я буду помнить это зрелище. Я онемел. Он ничуть не стал меньше, он выглядел

так, будто из него выпустили воздух. На нем были его старые, из голубой саржи брюки и грубые армейские башмаки, которых я никогда не видел. А вот свитер был мой, темно-бордовый, который я однажды купил для загородной прогулки, и, несмотря на то что Вулф уменьшился в объёме, свитер был так натянут, что сквозь него проглядывала его желтая рубашка.

— Входите! Входите! — Я вновь обрел дар речи.

— Я сейчас в кабинет не вхожу, — отозвался он, повернулся вместе с Фрицем и направился в его сопровождении в кухню.

Я посидел, кривя губы, хмурясь и прислушиваясь к звукам, доносившимся до меня, потом встал и пошел к ним. По-видимому, Вулф отказался и от столовой, потому что я застал их в кухне за маленьким столиком, где они с Фрицем ели чернослив, а миска с салатом и помидорами, но без соуса дожидалась своей очереди. Прислонившись к кухонному столу, я, саркастически улыбаясь, смотрел на них.

— Ставьте эксперимент? — ласково спросил я.

Вулф сплюнул в ложку косточку от чернослива и бросил в тарелку. Он поглядывал на меня, но старался, чтобы я этого не заметил.

— И давно ты стал майором? — поинтересовался он.

— Три дня назад. — Я не мог оторвать от него взгляда. Не верил собственным глазам. — Меня повысили благодаря умению вести себя за столом. Теодор сказал мне, что вы собираетесь вступить в армию. Разрешите спросить: в каком качестве?

Вулф положил в рот очередной чернослив. Выплюнув косточку, ответил:

— В качестве солдата.

— В пехоту? В десантные войска? Решили стать одним из командос? Или водить джип?..

— Хватит, Арчи! — Тон у него был резким, а взгляд злым. Он положил ложку. — Я намерен убить нескольких немцев. В восемнадцатом году я убил мало. По какой причине ты оказался здесь? Думаю, тебе дали отпуск перед отправкой за океан, и я сожалею, что ты приехал. Я хорошо понимаю, какие трудности меня ожидают, но не желаю слышать от тебя никаких возражений. Мне они известны гораздо лучше, чем тебе. Я сожалею, что ты приехал, потому что как раз сейчас я пытаюсь научиться отказываться от собственных привычек, а твое присутствие только усложнит дело. Поздравляю с

повышением в чине. Если ты останешься на ужин...

— Нет, спасибо, — вежливо отозвался я. — У меня назначено свидание. Но спать я буду, если вы не возражаете, у себя в постели. Постараюсь не раздражать вас.

— Мы с Фрицем ложимся спать ровно в девять.

— Хорошо. Я сниму обувь внизу. Премного благодарен за заколотого тельца. Извиняюсь также, что стер пыль со своих стола и стула. Побоялся испачкать форму. У меня отпуск на две недели.

— Арчи, надеюсь, ты понимаешь...

Я вышел, не дослушав его. Если бы я хоть на секунду задержался, то взорвался бы и в результате остался без крыши над головой.

ГЛАВА 4

На углу размещалась закусовая «У Сэма», куда я и пошел. Прежде всего я позвонил полковнику Райдеру, доложил, что прибыл и приступил к выполнению задания, а затем сел за столик, заказав тушеное мясо и два стакана молока.

Пока я ел, я размышлял над сложившейся

ситуацией. Она была не только сложной, но и, вполне возможно, безвыходной. Мне было совершенно ясно, что произошло: Вулф на некоторое время спрятал свои мозги в комод. Он не хотел ими шевелить, потому что в этом состояла привычная ему работа, в то время как находиться на диете, выходить ежедневно из дома, идти быстрым шагом, готовясь прикончить с десяток немцев, было для него актом героическим. Мысль об этом настолько запала ему в душу, да еще учитывая его упрямство, что разубедить его представлялось мне делом безнадежным. Придя к такому выводу, мне следовало бы забыть о нем и, забрав свои чемоданы, направиться на Гавернорс-Айленд, если бы не две вещи: во-первых, я уверил генерала, что знаю, как справиться с Вулфом, и, во-вторых, похоже было, что он, если я его не остановлю, сначала прикончит самого себя. Если бы хоть одна клеточка его мозга была в рабочем состоянии... Нет, об этом нечего и мечтать.

Я хотел было искать помощи либо у Марко Вукчича, либо у Раймонда Плена, у Луиса Хьюита или даже у инспектора Кремера, но сразу сообразил, что это ничего не даст. От любой попытки уговорить или убедить Вулф станет только более упрямым, поскольку не желает

мыслить. Единственное, что можно сделать, — это устроить так, чтобы заработал его мозг. Из личного опыта я знал, насколько это трудно, а ведь прежде он никогда не бывал в таком состоянии, как нынче. Более того, помехой служило и мое двухмесячное отсутствие, ибо я понятия не имел, кто к нам обращался или пытался обратиться и какие события имели место.

Что мне еще оставалось? Расплатившись, я снова подошел к телефону и позвонил инспектору Кремеру. Я думал, что ты в армии, сказал он. Я тоже так думал, ответил я и спросил: нет ли у них каких-либо интересных преступлений, убийств, грабежей или даже пропавших людей?

Мои расспросы окончились ничем. Либо у них и вправду не было ничего интересного, либо он не захотел мне говорить. Я вышел на улицу и остановил такси. Было холодно, чертовски холодно для середины марта, падал снег, а я был без пальто. Поскольку больше делать было нечего, я влез в такси и велел шоферу отвезти меня по адресу: Барнум-стрит, 316. Я уже ни на что не надеялся, решив искать иголку в стоге сена.

Снаружи этот дом ничем не отличался, ничто не свидетельствовало о том, какие странные

личности его населяют. Это было самое ординарное четырехэтажное строение из облезлого кирпича, что когда-то служило пристанищем для целой семьи, а во времена моего появления на свет божий было переделано в отдельные квартиры с вестибюлем, оборудованным почтовыми ящиками и звонками. Одна из табличек гласила: «Перл Чак», а пониже мелкими буквами: «Эймори». Я нажал кнопку, услышал, как щелкнул замок, распахнул дверь и очутился в холле, когда дверь в глубине внезапно открылась и на пороге появилась старушка. За вычетом кожи и костей она весила, наверное, не больше двадцати фунтов. Спустившиеся со лба пряди седых волос падали на ее пронзительные темные глаза, но я не сомневался в том, что она отлично видит.

— Что вам угодно? — рявкнула она, хотя я еще не дошел до нее.

Я постарался улыбнуться.

— Мне хотелось бы видеть...

— Она прислала вас! Я так и знала! А я-то подумала, что это она. Она нередко проделывает этот фокус. Выходит и звонит, полагая, что я ее не подозреваю. Она хочет сказать мне, что считает, будто я убила ее мать. Я знаю, чего она хочет! Если она еще хоть раз скажет мне это, я

заставлю полицию ее арестовать! Можете так ей и передать! Хоть сейчас! Поднимитесь и скажите!

Она отпрянула и попыталась закрыть дверь. Я сунул ногу в щель.

— Минуточку, леди! Я поднимусь и передам ей все, что вам будет угодно. Вы имеете в виду мисс Эймори? Энн Эймори?

— Энн? Мою внучку? — Черные глаза уставились на меня сквозь сетку седых волос. — Конечно, нет! Вы дурачите меня...

— Разумеется, нет, миссис Чак, вы меня не дослушали. Мне нужна ваша внучка, вот и все. Я пришел повидать Энн. Она...

— Я вам не верю! — снова рывкнула она и захлопнула дверь.

Я мог бы помешать ей, но мне показалось неверным поступать так в данных обстоятельствах, и, кроме того, я услышал наверху шум. Сразу после того, как дверь захлопнулась, кто-то зашагал вниз, и, когда я подошел к лестнице, там уже стоял молодой человек. Он явно собирался что-то сказать, но, увидев форму, передумал.

— Ой! — удивился он. — Армия? А я было решил...

И умолк, не сводя с меня глаз. Что касается

одежды, то он определенно выглядел неряшливым под ярким светом лампы, но в остальном неплохо смотрелся бы в качестве защитника в футбольной команде. Впрочем, нет, для этого он, пожалуй, маловато весил.

— В данное время я не при исполнении обязанностей, — откликнулся я. — А кого вы ждали? Военно-морской флот?

Он засмеялся.

— Просто я хотел сказать, что не ожидал увидеть здесь армейского офицера. Я слышал, что вы хотите видеть мисс Эймори, но не знал, что она знакома с армейскими офицерами.

— А вы знакомы с мисс Эймори?

— Конечно, знаком. Я ведь здесь живу. Двумя пролетами выше. — Он протянул руку. — Меня зовут Леон Фьюри.

— А меня — Арчи Гудвин. — Мы пожали друг другу руки. — Вам случайно неизвестно, дома ли мисс Эймори?

— Она на крыше. А вы тот самый Арчи Гудвин, который работает на Ниро Вулфа?

— Работал. А теперь надел форму. Что делает мисс Эймори...

— Кто там, Леон? Приведите его сюда! — распорядился сверху густой хриплый бас. Необ-

Содержание

СМЕРТЬ ТАМ ЕЩЕ НЕ ПОБЫВАЛА. Повесть <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	5
ОЖИВШИЙ ПОКОЙНИК. Повесть <i>Перевод Б. Акимова</i>	125
ЭТО ВАС НЕ УБЬЕТ. Повесть <i>Перевод Д. Вознякевича</i>	237